

Даниэль Колуззи

МЕНЯ ЗОВУТ ПЕРСЕФОНА

МОСКВА
2025

Читайте в серии:

Дженнифер Адам
Юлка и Дикая охота

Лора Драгелос
Забытые из Астролуны

Даниэль Колуззи

МЕНЯ ЗОВУТ ПЕРСЕФОНА

МОСКВА
2025

УДК 821.131.1-312.9
ББК 84(4Ита)-44
К61

Daniele Coluzzi
IO SONO PERSEFONE

©2022 Mondadori Libri S.p.A.,
Milano under the imprint of Rizzoli

Дизайн обложки *А. Гриценко*
Дизайн макета *А. Лавровой*

Во внутреннем оформлении использованы изображения:
© Feodora_21 / Shutterstock.com
Используется по лицензии от Shutterstock.com

Колуцци, Даниэль.

К61 Меня зовут Персефона / Даниэль Колуцци ; [перевод с итальянского Л. В. Золоевой]. — Москва : Эксмо, 2025. — 320 с.

ISBN 978-5-04-180144-1

Юная Персефона всегда знала своё предназначение: она богиня плодородия, которая будет одаривать смертных богатыми урожаями. А ещё она никогда не сможет полюбить, ведь это запрещено. Но судьба непредсказуема даже для олимпийских богов.

Однажды во время прогулки девушку похищает правитель подземного царства Аид, выбравший её в качестве своей невесты. Неожиданно богиня оказывается одна в тёмном и неизвестном мире, населённом заблудшими душами и чудовищами, который должен стать для неё новым домом.

Персефона мечтает о побеге, но чем больше времени она проводит в царстве мёртвых, тем сильнее начинает привязываться к новоиспечённому жениху. Теперь ей предстоит самой выбрать судьбу: вернуться домой к матери или навсегда остаться с Аидом.

УДК 821.131.1-312.9
ББК 84(4Ита)-44

© Золоева Л.В., перевод на русский язык, 2023
ISBN 978-5-04-180144-1 © Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2025

ПРОЛОГ

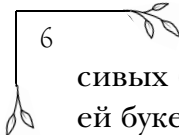
Земля разверзлась

Я иду босиком по мягкой земле. Нежные травы щекочут мне ноги. Я улыбаюсь. При каждом шаге от поля поднимается лёгкий приятный аромат. Это запах дома. Запах моей матери, который я обычно ощущаю, когда она крепко прижимает меня к груди.

Впереди искрятся несчётные красные точки. Солнце стоит так высоко, что его золотые лучи разъедают все контуры. Я прищуриваюсь: это маки. Их закинутые вверх головы возносятся даже над самой густой травой. Они как будто стоят в дозоре, но, забыв про свой гордый вид, чуть заметно склоняются под нежной лаской ветров.

В детстве я собирала маки и дарила маме. Я вплетала их в её головной убор. Без цветов он выглядел слишком торжественно на её кра-

сивых белокурых кудрях. Я и сегодня принесу ей букет. Она будет рада, я знаю.

Опускаюсь на колени и начинаю срывать цветы. Не только маки, но и крошечные фиалки, крокусы, ромашки и нарциссы. Последние мне особенно нравятся. Я протягиваю руку, чтобы коснуться одного.

Раздаётся сильный удар грома. Кажется, что-то взрывается совсем рядом со мной. Я падаю вперёд. Земля дрожит подо мной.

— Левкосия? Лигейя?

Молчание.

Я встаю и оглядываюсь по сторонам. Моих подруг нигде нет. Я забрела слишком далеко и осталась одна.

— Парфенопа! Где вы?

Снова гром, заглушающий мой голос. Крик застревает в горле. Роняю цветы. Порыв ветра уносит их прочь. Я пытаюсь поймать их, подхватывая полы юбки. Скорее, скорее, прочь отсюда.

Я слышу какой-то глухой гул, а потом снова гром. Смотрю на ясное небо, на спокойную Этну на горизонте. Что происходит?

Всё грохочет, от этих раскатов дрожу и я.

А затем земля передо мной разверзлась.

Она поглощает всё, что было на ней ещё мгновение назад. Сухие комья разваливаются, проваливаясь в глубокую бездну. В нос ударяет тяжёлый резкий запах. Я пячусь назад и крепко держу подол, чтобы не рассыпать собранные цветы. «Мама!»

Я слышу свой голос откуда-то издалека. Вздрагиваю от собственного крика. «Мама, помоги мне!»

Под ногами вздымается почва. Она как будто меняет форму. Нет, это из неё вырастают головы. Лошадиные головы. Они фыркают, мощно выдувая из огромных ноздрей комья грязи. Они похожи на мертвецов, восстающих из могил навстречу солнцу. Я не могу сдвинуться с места. Одна голова хватает мой хитон зубами и дёргает его. Я беспомощно смотрю, как рвётся одежда, как высыпаются из подола цветы. На земле они тускнеют, становясь чёрными. Такими же чёрными, как эти страшные головы, которые вот-вот окружают меня со всех сторон. Одна лошадь громко ржёт и с ненавистью смотрит мне в глаза.

Мне надо бежать, иначе они утащат меня с собой.

Я почти ничего не вижу от слёз, но разворачиваюсь и бегу прочь. Куда подевались мои подруги? Я оглядываюсь назад — на меня надвигается огромная мрачная тень. Она парит над колесницей, запряжённой жуткими лошадьми, дёргает поводья и через мгновение набрасывается на меня. Я чувствую, как кто-то хватается за меня холодными пальцами.

— Отпусти!

Мой крик обрывается. Я выворачиваюсь, отталкиваю тень от себя, но у неё очень крепкая хватка. Я слышу смех, но не вижу, кто смеётся. Закрываю глаза. Сильные руки крепко

меня держат и тащат в колесницу. Я пытаюсь вырваться, пытаюсь ударить того, кто вцепился в меня. Я надеюсь ткнуть его локтем в глаза. Он смеётся, а потом шепчет мне в ухо:

— Не надо усложнять...

Он так близко, что я чувствую его запах — запах сырой земли, запах смерти.

Я поняла, кто он. Всё поняла. Я отворачиваюсь, сдерживая тошноту. Колесница несётся всё быстрее. Мы уже очень далеко. Силы оставляют меня. Где мои цветы? Как я отнесу их маме? Они были такие красивые. Фиолетовые, жёлтые, огненно-красные. Они оживали в волосах у Деметры. И в моих волосах. Мне кажется, я всё ещё вижу их перед собой.

Вокруг нас вода. Это озеро? Где мы? Перед глазами мелькают лишь быстрые фрагменты каких-то размытых очертаний. Рядом вздымаются гигантские волны, и он кричит, правя колесницей, и движется навстречу волнам. Снова слышен грохот, земля опять разверзается. Лошади с громким ржанием бросаются вниз, он прижимает меня к себе. Нас поглощает тьма.

Где мои цветы? Мама, я не хочу умирать.

Я пытаюсь вытянуть ослабевшую руку, мои ногти вонзаются в мягкую почву. Чувствую её на зубах, она забивает мне рот, накрывает лицо. Я поднимаю голову в последний раз, но земля смыкается надо мной.

Мама, где ты...

ЧАСТЬ I
Лето

Моя юность

*Пышиноволосую петь начинаю Деметру-богиню
С дочерью тонколодыжной¹.*

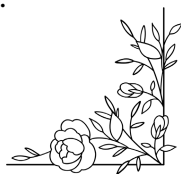
Гомер, «Гимн к Деметре»

— Сколько раз вам повторять: плющ — опасное растение! — голос мамы за спиной застаёт меня врасплох. — Он липнет к одежде и потом растёт, где захочет.

Парфенопа, Левкосия и Лигейя будто и не слышат её. Они сидят на залитой солнцем каменной стене и вплетают в волосы зелёные ветви.

Мама глядела на них с теми же бдительностью и заботой, какими обычно одаривала меня. Когда я вижу, как она внимательна к другим, у меня всегда портится настроение.

¹ Пер. В. В. Вересаева.

— Один раз ветка плюща попала мне в нос и стала расти прямо во мне, — говорю я каким-то писклявым голосом.

— Брось, Кора, не выдумывай! — весело перебивает меня Парфенопа. — Ты это говоришь, только чтобы напугать Деметру.

Мама молча смотрит на меня своим непроницаемым взглядом богини.

— Клянусь, мам, один раз...

— Девочки, вы не понимаете, о чём вы говорите, — строго перебивает меня мама. — Вы ведёте себя так, будто земля принадлежит вам, но вы ошибаетесь... Она никому не принадлежит.

— А как же ты, Деметра? — удивлённо восклицает Парфенопа. — Ты богиня земли — земля твоя.

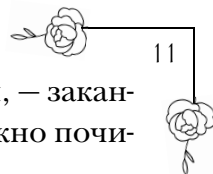
— Земля не принадлежит никому... — быстро вставляю я, пока мама не успела ответить. — Земля — это дар, который...

Мама не даёт мне договорить. Она подходит совсем близко, но вместо того, чтобы поругать меня, начинает гладить мне волосы, убирая их за уши.

— Вы ходите по этим лесам одни, думая, что это ваши владения. Но земля — это дар, и этот дар не бесконечный, — шепчет мама.

Я улыбаюсь ей. Именно это я и хотела сказать. Она сжимает мне руку, переплетая свои пальцы с моими.

— Землю нужно почитать и бояться, — заканчиваю я за неё, — точно так же, как нужно почитать и бояться богов.

Но мои подруги уже не слушают нас. Они что-то тихонько напевают друг другу божественными голосами. Парфенопа болтает в воздухе белыми ногами, вплетая плющ в кудри Лигейи.

Мама отпускает мою руку:

— Увидимся позже. И чтобы все были дома до наступления темноты.

Я смотрю, как она уходит: элегантная, уверенная в себе. У неё очень гордая осанка. Я всю жизнь пытаюсь ей подражать.

— Слушай, почему твоя мать всегда такая серьёзная? — спрашивает Парфенопа, когда мы возвращаемся домой.

Левкосия и Лигейя идут за нами, смеясь и слегка толкая друг друга. Им так веселее собирать цветы по обочине тропинки.

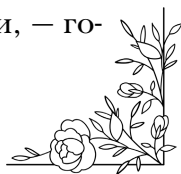
— Потому что она богиня, — отвечаю я.

— Не все богини такие серьёзные... — ворчит Парфенопа.

Между нами протискивается Левкосия и толкает Парфенопу локтем в бок так, что та подпрыгивает.

— Эй, ты ведь знаешь, что боги слышат твои речи! Хочешь, чтобы тебя спалили дотла?

— Не забывайте, что мы тоже богини, — говорю я с улыбкой.

— Это ты у нас богиня! А мы не такие важные птицы, — фыркает Левкосия. — Знаешь, сколько нас в море? Да ещё Океаниды?

Я закатываю глаза:

— Примерно три тысячи, сколько можно это повторять...

— Правильно, Кора, примерно три тысячи. А ты одна.

Да, одна, если не считать маму. Я у неё единственная. У неё и у всей земли.

— Вот поэтому мама и переживает... у неё, кроме меня, никого нет, постарайтесь понять как-нибудь, — пытаюсь я закончить разговор.

Вдалеке над долиной перед нами возвышается Этна. Чуть ниже в деревне загораются первые огни. Крестьяне разжигают очаги, чтобы осветить и согреть свои дома. Небо быстро меняет цвет, окрашиваясь в бледно-розовые оттенки.

Наверное, тяжело жить вот так, когда твоя жизнь зависит от огня. Или от еды. Или от других. И как, наверное, ужасно знать, что ты должен умереть.

Мы проходим за домами по огородам, и до наших ушей долетают песни и молитвы, которые крестьяне обращают к моей матери. Люди ничего не знают. «У них есть глаза, но они не видят», — сказала мне однажды Афина.

Но они упрямые, и их упрямство трогает меня. Они не оставляют попыток говорить

с нами, хотя мы им никогда не отвечаем. Они наполняют большие рога изобилия травами и цветами и кладут их на алтари или оставляют у входа в дом. Это для нас. Они ждут, что мы их заберём. Мы никогда ничего не берём, но они всё равно обманывают себя, думая, что нам всё это нужно.

— Мне не хочется домой, — говорит Парфенопа капризным голосом. — Небо такое красивое, давайте посидим здесь немного!

Левкосия и Лигейя дружно кивают.

— Мама будет волноваться... — Я пытаюсь возразить, но здесь действительно так хорошо, в этих садах с большими миндальными деревьями. Небо чистое, и на нём во всей красе блещут первые звёзды.

— Да ладно тебе, Кора! Пойдём подглядывать за смертными!

Вокруг нас очень бедные дома. Простые и маленькие. Как в них вмещается целая семья?! Забавно бывает смотреть, как люди передвигаются в таком узком пространстве. Они строят себе эти крошечные коробочки, чтобы не так сильно бояться, чтобы и днём и ночью чувствовать себя защищёнными.

Представляю, как бы они испугались, если бы увидели, сколько богов, духов и демонов пробираются внутрь их жилищ!

Пожалуй, я соглашусь. Очень хочется поселиться.

— Пойдём!

Мы, не останавливаясь, бежим к центру деревни. Все дома в ней одинаково бедные и почти пустые. Люди внутри молча едят, глядя куда-то потерянным взглядом. Кто-то ссорится. За такими не очень интересно подглядывать. Мы беспрепятственно пробегаем по узким улочкам, разделяющим бедные деревянные дома. Левкосия и Лигейя хихикают и шумят, но нам всё равно. Люди никогда не увидят и не услышат нас, если только мы сами этого не захотим.

Парфенопа весело шагает рядом со мной, берёт меня за руку и случайно пинает камень, лежащий у неё на дороге. Он попадает в дверь хижины.

— Кто там?

Мы подпрыгиваем от хриплого голоса.

— Кто там, я спрашиваю? — Какой-то человек кричит из своего дома.

— Бежим! — прыскает Парфенопа.

Я сейчас лопну от смеха:

— Да что он нам сделает?

Мои подруги несутся прочь, крепко держась за руки. Я слышу, как скрипит дверь. Из дома выходит старик. На нём какая-то тряпка. Он выглядит очень усталым. И смотрит прямо на нас.

Мои подруги останавливаются.

— А он точно нас не видит? — шепчет Лигейя.

— Точно...

